

Научная статья

Отечественная история

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1323

EDN: ESFVUI

УДК 332.1.(470.22)

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
syrsa@yandex.ru

ИСТОРИЯ ТРЕСТА «КАРЕЛЛЕС»

А н н о т а ц и я . Целью статьи является анализ развития и обобщение опыта работы треста «Кареллес» – ведущего объединения лесной промышленности Карелии в 1922–1937 годах. В условиях нэпа трест быстро наращивал заготовку леса и производство пиломатериалов, начал переоборудование лесопильных заводов, что позволило ему занять второе место в СССР по экспорту леса. Однако экспорт был убыточным, что усилило зависимость от государственных дотаций. Перевод треста в союзное подчинение в 1930 году обеспечил выполнение ключевой для общегосударственных интересов задачи – надежных поставок экспортных пиломатериалов, но закрепил сырьевую направленность производства. Рабочей силой трест обеспечивался за счет платной трудовой повинности колхозников, миграций сезонников извне Карелии, привлечения квалифицированных рабочих из США и Канады. В первой половине 1930-х годов сохранялась высокая доля физического труда, сезонность работ, слабая транспортная инфраструктура, ограниченный уровень социального обеспечения. Недовольство вылилось в огромную текучесть рабочей силы. Создание системы общественного питания, рост барачного строительства снизили протестный импульс, вызванный тяжелыми условиями труда и быта. В то же время проявилось позитивное влияние применения лучковых пил, частичной механизации вывозки древесины, постепенного формирования постоянных кадров. Однако массовые репрессии ослабили эти благоприятные сдвиги и дезорганизовали производство. Накануне войны в лесозаготовительной отрасли Карелии усилилась роль ГУЛАГа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : трест «Кареллес», лесозаготовки, сплав, лесопиление, экспорт леса, нэп, форсированная индустриализация

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Филимончик С. Н. История треста «Кареллес» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 85–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1323

ВВЕДЕНИЕ

Значимость исследования советского опыта модернизации промышленности определена тем, что в ходе ее решалась актуальная для России задача преодоления технологического отставания от ведущих стран на основе научно-технического прогресса и укрепления обороноспособности государства. Тогда был взят курс на ускоренное развитие Севера. Опыт промышленного освоения регионов с неблагоприятным климатом, низкой плотностью населения, слабой транспортной инфраструктурой важен для эффективного развития этих территорий сегодня, когда стоят задачи комплексного развития производства, рационального использования и охраны природных ресурсов, обеспечения достойного качества жизни северян.

На протяжении сотен лет лес являлся основой экономики Карелии. В 1920–1930-е годы в лесной отрасли была заложена база для перехода на индустриальный уровень, определены векторы эволюции лесного дела. Наряду с изучением долгосрочных тенденций развития, структурных и функциональных черт всей отрасли, необходима характеристика конкретных хозяйственных субъектов с учетом их характерных черт и признаков. Изучение деятельности основных заготовителей лесных материалов важно для сохранения региональной идентичности, истории населенных мест, в том числе тех, которые уже утрачены, а также истории десятков тысяч семей жителей края.

Основы научного изучения лесной промышленности Советской Карелии заложил в 1930–

1950-е годы И. В. Первозванский, опытный лесовод, сотрудник Госплана республики и первых научных учреждений Карелии [15], [16]. В 1960–1980-х годах историки фокусировали внимание на освоении новой техники, трудовом энтузиазме передовиков соцсоревнования. После десятилетий забвения стал отмечаться вклад в экономику АКССР иностранных рабочих из США и Канады. Наиболее значимы работы В. Г. Макурова, осветившего функции трестов, леспромхозов, механизированных лесопунктов, значение первых шагов по созданию кадрового ядра. С открытием в конце 1980-х – начале 1990-х годов ранее недоступных архивных документов ученым была охарактеризована роль принудительного труда в лесной промышленности Карелии [12], [13]. В 2000-е годы творчески развил проблематику советского периода И. Р. Шегельман, знаток отрасли, долгое время возглавлявший Карельский НИИ лесной промышленности [21].

Сегодня внимание историков сконцентрировано на выявлении сущностных черт лесной промышленности Карелии 1930-х годов. С. Аутио поворотным пунктом в развитии Карелии считает переход лесов в федеральное управление, поскольку он лишил республику ресурсов, изменил механизм принятия экономических решений [22]. Негативные последствия жесткой централизации управления лесной отраслью в период первых пятилеток подчеркивают Ю. М. Килин и И. Р. Такала [9], [20]. И. В. Зыкин отмечает, что, несмотря на рост производства, в 1930-е годы лесная промышленность Карелии сохраняла сырьевую ориентацию [6]. Сформировавшуюся в 1930-е годы модель развития О. И. Кулагин характеризует как «фактор унаследованных особенностей», предопределивший одностороннее развитие лесной отрасли во второй половине XX века [11]. В русле социальной истории на региональных источниках подготовлены ценные исследования о продовольственном обеспечении, жилищных условиях, повседневности работников лесной отрасли [2], [3], [7]. На материалах Карелии эти темы рассматривались Е. В. Диановой [5] и О. И. Кулагиным [10]. Комплексно охарактеризовали социокультурный облик иностранных рабочих в Карелии А. В. Голубев и И. Р. Такала [4]. Социокультурная специфика других групп работников представлена пока фрагментарно. Вехи истории предприятий лесной промышленности освещались известными журналистами [19], научные исследования по этой проблематике отсутствуют.

Целью данной статьи является анализ развития и обобщение опыта работы треста «Кареллес» – ведущего объединения лесной промыш-

ленности Карелии в 1922–1937 годах. Основное внимание будет уделено производственно-технической базе треста, кадровому составу и социально-бытовым условиям жизни работников. Исследование проведено на основе концепции модернизации с использованием историко-генетического, историко-проблемного, биографического методов. Основу источниковой базы составили документы Национального архива Республики Карелия. При анализе информации учитывались неоднократные корректировки цифровых данных, влияние политической ситуации на высказанные суждения, предустановленный вектор сведений о трудовых коллективах. Работа с источниками велась на основе историко-критического метода.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ТРЕСТ «КАРЕЛЛЕС» В УСЛОВИЯХ МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Большинство созданных в годы нэпа на территории Карелии трестов управлялись федеральными органами. ВСНХ РСФСР подчинялись тресты «Северолес» и «Севзаплес», Наркомату путей сообщения РСФСР – «Желлес». В отличие от них трест «Кареллес» находился в ведении правительства Карелии. В первом уставе треста (1925) указывалось, что он действует на основе коммерческого расчета с целью извлечения прибыли. Правление треста назначалось правительством Карелии¹. Для утверждения претендентов требовалось согласие партийной организации².

Первыми руководителями треста стали Василий Тимофеевич Гурьев (1922–1926), Герман Абрамович Саксман (1926–1928), Степан Антонович Соболев (1928–1929). В ходе военных и революционных потрясений будущие руководители треста накопили политический опыт: Гурьев был избран членом Карельского ревкома, Соболев – председателем Олонецкого губисполкома, Саксмана направил на работу в Карелию ЦК Финляндской компартии. В начале нэпа все трое перешли на хозяйственную работу. Гурьев и Саксман руководили Совнархозом, а Соболев работал заместителем председателя треста «Севзаплес», членом правления Кареллеса. Завершив работу председателя правления, Гурьев возглавил Каргосплан³. Саксман был снят с работы из-за пристрастия к спиртному⁴. В 1929 году претензии к Соболеву были связаны с тем, что он не проявил энергии при выдвижении в аппарат рабочих и коммунистов⁵.

Знающих экономику сотрудников не хватало. В конце 1920-х годов из 182 работников аппарата треста высшее образование имели всего пять, среднее – 58 человек, у остальных образо-

вание было не выше начального⁶. Приходилось закрывать глаза на дворянское происхождение, православное мировоззрение, прошлую судимость необходимых работников. В центральный аппарат треста принимали «старослужащих». Ценным сотрудником Кареллеса был признан Б. И. Цоппе – бывший чиновник особых поручений при Костромском губернаторе. В аппарате треста работал сын крупного лесопромышленника, сотрудник фирмы Стюарта Н. В. Савин. Подающим надежды работником считался сын члена правления Онежского пароходного общества В. П. Михеев. Успешно справлялся с работой в аппарате Кареллеса бывший владелец лесозавода Д. С. Парижский⁷. Во время «чистки» 1929 года «старослужащих» стали заменять выдвиженцами.

За 1922–1928 годы заготовка леса выросла с 0,9 млн куб. м до 2,6 млн куб. м в год⁸. Валили деревья топорами и поперечными пилами. Главным орудием сплавщика был багор. По озерам лес продвигали с помощью буксиров. Трест строил непаровые суда⁹.

В распоряжение Кареллеса были переданы лесопильные предприятия. На юге Карелии основную часть продукции давали два лесозавода – Соломенский (построен в 1908 году, до национализации принадлежал британским подданным А. П. Беляеву и Э. Джеллибранду) и Сунский (построен в 1910 году, до национализации им владела фирма «Э. Г. Брандт и К»). Другие предприятия имели старое оборудование.

Трест построил два новых предприятия, оснастив их современным оборудованием. В 1927 году был введен в эксплуатацию лесопильный завод в с. Ильинском. В 1928 году начал работу Лососинский деревообрабатывающий комбинат. В его состав помимо лесопильного завода входили небольшие предприятия глубокой переработки древесины – мебельная фабрика, столярная и лыжная мастерские. Однако передовое предприятие не получило должной противопожарной защиты: в 1928 году сгорела столярная мастерская, в 1934 году та же участь постигла комбинат.

В октябре 1925 года к тресту «Кареллес» отошли предприятия Беломорской Карелии. Важным центром лесопиления являлись заводы № 37–38 в Сороке (бывшие Финляндский и Феникс компании Беляевых). Нарастивали производство восстановленные в 1924 году заводы № 45–46 в с. Ковда (до 1918 года принадлежавшие иностранному подданному К. Стюарту и А. Бергрелю). Успешно работал завод № 42 в с. Кереть (до революции им владели предприниматели Савины). На лесозаводах быстро шла замена устаревших механизмов: ежегодно уста-

навливалось от 6 до 13 быстроходных шведских пилорам. В 1928/29 году 11 лесозаводов Кареллеса поставили 759 тыс. куб. м лесоматериалов¹⁰.

Трест добился значимых успехов и одновременно столкнулся с серьезными вызовами. Рос экспорт продукции: в 1927/28 году он составлял 402 тыс. куб. м лесоматериалов¹¹. Себестоимость карельских пиломатериалов была высокой, а продавали их по низким ценам, большой вес экспорта вел к убыткам треста. Он нуждался в государственных субсидиях, вынужден был брать банковские кредиты под высокий процент. Ситуация в Кареллесе не являлась исключительной. Руководители Северолеса К. Х. Данишевский и С. И. Либерман также жаловались на нехватку оборотного капитала и чрезвычайно тяжелые условия кредитов¹².

Быстрый рост лесозаготовок в малонаселенном крае актуализировал проблему рабочих рук. В 1927/28 году Кареллес привлек на лесозаготовку более 17 тыс. человек, на сплав – около 15 тыс. рабочих¹³. Основной рабочей силой являлись местные крестьяне, но без приезжих обойтись не могли: они составляли на заготовках 12 %, на сплаве 20 % работников.

В разгар сезона рабочий день затягивался до 12 часов. Дневной заработок сезонников составлял от 2 до 4 руб. Крестьяне часто были недовольны оплатой труда, могли уйти с работы, если администрация занижала расценки, не платила двойную ставку за работу в праздники, задерживала зарплату [3: 135]. Ночевали работники в избышках с печкой-каменкой или в землянках, летом – в шалашах. Жилье рабочие строили на скорую руку сами и за свой счет. Питались, объединившись по двое-трое, домашними припасами. Хлеб, чай, сахар, шпик продавала кооперация, но из-за товарного дефицита торговля оставалась нестабильной [5].

На лесозаводах Кареллеса в 1928/29 году было занято 4 тыс. работников¹⁴. На предприятиях ввели 8-часовой рабочий день. По договору треста с Наркомздравом работники получали бесплатную медицинскую помощь¹⁵. К 1928 году среднюю зарплату подняли до 63,5 руб., но она не достигала до средней зарплаты промышленных рабочих Карелии (68,6 руб.) [17: 59].

В 1927 году на одного рабочего лесозавода приходилось 2,86 кв. м жилплощади¹⁶. Трест ежегодно строил около 4 тыс. кв. м жилья – небольшие общежития на 50 человек, 8-квартирные дома для семейных рабочих. Жилищные условия немногочисленных новоселов были приемлемыми, но темпы строительства не решали насущную проблему основной массы рабочих.

Достижением треста признавалось строительство рабочих клубов в селах Сорока, Ковда и др.¹⁷

СОЮЗНЫЙ ТРЕСТ «КАРЕЛЛЕС» В УСЛОВИЯХ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ШТУРМА»

В конце 1920-х годов в СССР была поставлена задача в короткий срок обрести технико-экономическую независимость. Внедрение научно-технических достижений ускоряли закупки техники на Западе. Важным источником валюты стал экспорт древесины. В этих условиях трест «Кареллес», занявший второе место в стране по объему экспорта леса, перешел в 1930 году в федеральное ведение. Централизация управления позволяла добиваться роста ключевого для государства показателя независимо от состояния других сфер производства. При этом жесткая централизация ограничивала вариативность действий и учет обстановки на местах.

Внутри Кареллеса повысилась роль первичных хозяйственных организаций. В 1929 году в составе треста был создано 14 леспромхозов (ЛПХ). Они занимались заготовкой и переработкой древесины, эксплуатацией техники, обучали кадры, строили жилье, вели лесное хозяйство.

Рассчитывая на безграничные возможности директив, центр предписал Кареллесу увеличить заготовки до 5,5–5,7 млн куб. м леса¹⁸. Это была невыполнимая задача в условиях технологической отсталости и отсутствия кадровых рабочих. В 1930–1932 годах трест поставлял в среднем 3,6 млн куб. м леса¹⁹. Тем не менее в сравнении с нэпом годовые заготовки выросли.

Руководителями треста в это время стали ближайшими соратниками председателя СНК АКССР Э. А. Гюллинга, в разные годы его заместители, Николай Васильевич Архипов (1929–1931) и Александр Николаевич Лесков (1931–1932). Партийных и советских работников массово посылали на лесопункты в помощь администрации²⁰.

В 1930 году ВЦИК и СНК РСФСР разрешили использовать на заготовке леса трудовые повинности. За невыполнение задания сельсовет мог штрафовать крестьян, а при противодействии лесозаготовкам групп хозяйств – возбуждать уголовное преследование [18: 162]. Если прежде ставилась задача сокращать ввоз рабочей силы²¹, то теперь его стали наращивать. Переселенцы трудились добросовестно, но не имели нужной квалификации. В 1929/30 году были травмированы 6 993 рабочих лесной отрасли. Причинами являлись низкая квалификация работников, плохая охрана труда²². Наряду с вербовкой необученных сезонников руководство АКССР добилося разрешения привлечь на договорной основе квалифицированных рабочих преимущественно финской

национальности из США и Канады. За 1931–1934 годы численность иммигрантов в составе Кареллеса выросла с 600 до 1489 человек²³.

В Кареллес поступали американские тракторы и грузовики, но они быстро приходили в негодность – не было ни запасных частей, ни ремонтных рабочих. Основная нагрузка на вывозке древесины ложилась на гужевую силу. На лесозаводах первостепенное внимание уделялось выполнению экспортной программы. В 1932 году по большинству видов продукции трест перевыполнил экспортный план, вывез 380 тыс. куб. м бревен, 58 тыс. куб. м балансов, 68 тыс. куб. м пропсов, 133 тыс. шпал²⁴. При этом отмечались претензии покупателей к качеству продукции [8: 78]. В ответ лесозаводы жаловались на нехватку качественного сырья.

Продолжалось оборудование лесопильных заводов техникой шведских и финских фирм. Совершенствовались паросиловое хозяйство и биржи. Несмотря на это, существенно нарастить выпуск продукции не удавалось²⁵. Современная техника нуждалась в квалифицированном персонале. В 1931 году на лесозаводах работало 179 ИТР, из них специальное образование имели всего 16 человек²⁶. Не справившихся с работой отправляли под суд. Председатель правления треста Лесков писал Гюллингу и прокурору АКССР Н. И. Заводову 9 июня 1931 года:

«Прошу очень вдумчиво и тщательно проанализировать решения судов, т. к., по моему мнению, все же меры пресечения и карательные меры, устанавливаемые приговорами, являются чрезмерно суровыми, вносят страх в ряды технических работников, парализуют инициативу»²⁷.

Рабочей силой лесопильные предприятия были укомплектованы на 70–80 %. Сменяемость рабочих доходила до 100 % и выше²⁸. Высокая текучесть определялась плохими жилищно-бытовыми условиями, полуголодной жизнью. В 1929–1935 годах действовали карточки на продукты, но снабжение шло с перебоями. Трест и кооперация организовали общественное питание для своих работников. В октябре 1931 года на делянках развернули 460 котлопунктов. На Соломенском, Сунском, Сорокском, Кемском лесозаводах работали по две-три столовых, к которым «прикрепляли» до 2 тыс. человек²⁹. В Пудоже и Сороке открыли курсы подготовки поваров. Главной проблемой оставалась нехватка продуктов. Осенью 1931 года директор Ковдского лесозавода № 46 писал начальству о том, что в «столовой рабочего кооператива, кроме селедки, супа с крупой и каши, ничего нет, да еще хлеба к обеду дают по 100–200 г.»³⁰. Трест вынужденно занялся продовольственным

самообеспечением. С 1932 года разделяли земли под зерновое, огородное и парниковое хозяйство. В 1934 году Кареллес содержал 599 голов крупного рогатого скота, 1,8 тыс. свиней, 2,1 тыс. кроликов. Рыболовные артели заготавливали более 1000 т рыбы³¹.

Трест обязан был обеспечить работников жильем. В 1928 году Кареллес имел 38,6 тыс., в 1933 году – 65,3 тыс. кв. м жилья³². Основным видом жилья стали бараки. Это было незавидное жилье: холод, двухъярусные нары вдоль стен, пол, настланный только между койками. В бараках отмечались вспышки желудочно-кишечных инфекций, фиксировались факты проституции и венерических заболеваний³³.

В конце первой пятилетки Наркомлес начал разукрупнять производство. В 1932 году десять лесопильных предприятий образовали трест «Карелдрев». С этого времени Кареллес концентрировался на заготовке древесины. Шпалопиление, добыча живицы имели вспомогательное значение. 15 августа 1935 года был утвержден устав треста как объединения союзного значения, в деятельности которого превалировала сырьевая направленность³⁴. Нарастивая заготовки, хозяйственники существенно ослабили лесокультурные работы. Трест получал на них минимальное финансирование. Из-за нехватки рабочих и низкой оплаты очищали малую часть лесосек³⁵. Часть древесины бросали в лесу и у трассы, оставляли на зимовку в воде³⁶. Лесосбережение в приоритеты не входило.

СЫРЬЕВОЙ ТРЕСТ «КАРЕЛЛЕС» В СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ

В 1934–1936 годах трест ежегодно заготавливал 5,4–5,9 млн куб. м. леса³⁷. Основной рост пришелся на ЛПХ южной Карелии, где активнее применялась механизация, внедрялись более производительные инструменты, быстрее формировались кадры постоянных рабочих [15]. К 1935 году Кареллес имел 7,5 тыс. лучковых пил, 2 тыс. пил «Кроскот», 4 тыс. топоров канадского типа³⁸. На советских заводах были адаптированы для массового производства американские модели машин. К 1936 году в Кареллесе имелось 106 тракторов «Сталинец-60», 115 грузовиков ГАЗ, ЗИС, АМО. Поддерживался в рабочем состоянии лесосплавный флот. В 1935 году помимо лодок трест имел 19 собственных пароходов и еще пять арендовал³⁹.

Численность работников основного производства за 1933–1936 годы выросла с 17,3 тыс. до 21,3 тыс. человек⁴⁰. Большинство рабочих составляли сезонники. ЛПХ заключали с колхозами договоры, в которых закреплялись объ-

ем работ и оплата труда, до 1938 года более низкая, чем кадровых рабочих. В письме Сталину и Молотову 13 декабря 1934 года Э. А. Гюллинг и Г. С. Ровио признавали:

«В отдельных районах на лесозаготовки привлекается трудоспособное сельское население в таких размерах, которые создают крупнейший ущерб интересам остальных отраслей народного хозяйства»⁴¹.

С декабря 1933 по январь 1937 года численность кадровых рабочих выросла с 3 тыс. до 5,9 тыс. человек. Более четверти постоянных кадров составляли иностранные рабочие. Больше всего их трудилось в Петрозаводском и Кондопожском ЛПХ. Средняя выработка иммигрантов превышала средние по Карелии нормы в 3–4 раза⁴². На делянки, где трудились иностранные рабочие, постоянно приезжали учиться местные лесорубы. Приемы работы американских лесорубов изучала лесная секция КарНИИ, Карельский филиал Центрального НИИ механизации и энергетики лесной промышленности. Лесопункты, где трудились иностранные рабочие, становились «лабораторией для всего СССР»⁴³.

К 1933 году была введена новая тарифная система оплаты труда, снижавшая уравниловку. Более успешно материальные стимулы стали действовать с началом стахановского движения. Зарботки стахановцев были в два-пять раз выше средней зарплаты промышленных рабочих (в 1936 году она составляла 216 руб. [17: 59]).

Квалифицированных рабочих готовили школы ФЗУ в Сороке, Ильинском, Ухте. Трест финансово поддерживал лесной техникум, и он впервые развернул подготовку специалистов сплава, лесозаготовок, лесопиления. За годы первых пятилеток техникум подготовил 388 специалистов лесной отрасли [1: 15, 16]. На работу прибывали выпускники ленинградских вузов. С 1934 года трест возглавляли управленцы с высшим образованием. Георгий Иванович Валлин окончил Институт народного хозяйства им. Плеханова по специальности «инженер-экономист». В 1930 году он прошел 4-месячную стажировку в Соединенных Штатах Америки и Канаде с целью изучения достижений лесной промышленности⁴⁴. Последним в истории треста руководителем стал Федор Родионович Иванов – в молодости политработник и чекист, в 1935 году окончивший Лесотехническую академию по специальности «лесоэксплуатация». Учебу он совмещал с работой в должности управляющего трестом «Севзаптранлес»⁴⁵.

Для постоянных рабочих развернули строительство 12 поселков, где предусматривался регулярный характер застройки, возводилось более качественное жилье, а также культурные цен-

тры – клубы, школы, бытовые объекты (пекарни, столовые, бани), отводились земельные участки под огороды и подсобное хозяйство⁴⁶. Однако из-за недостаточного финансирования строительство затягивалось, поселки строились без расчета запасов деловой древесины⁴⁷.

В качестве маяков для всей отрасли рассматривались поселки, обустроенные иммигрантами. «Лучшим в Карелии и одним из лучших в Союзе» печать называла пос. Матросы⁴⁸. Кадровые рабочие лесопункта были обеспечены отдельными квартирами в новых домах, снабженных электричеством и радиоточками. Своими силами в поселке проложили водопровод. Из отборного бруса построили просторный клуб, и жители получили возможность смотреть звуковое кино, спектакли Национального театра Карелии. Спортсмены из Матросов успешно выступали на Всекарельских соревнованиях, в первенстве СССР по греко-римской борьбе.

Однако положительные сдвиги выглядели скромными на фоне нерешенных проблем. Политическое руководство не желало признавать издержки экономической политики, стремилось объяснить трудности «изменой» конкретных людей. В преддверии новой войны в Европе мигрантов из западных стран бездоказательно обвиняли в шпионаже, в пропаганде враждебной идеологии. В леспромпхозах прокатилась массовая волна арестов кадровых рабочих-финнов. Ужесточался политический контроль над аппаратом треста. В 1934 году управляющим Кареллеса назначили секретаря Медвежьегорского райкома партии Георгия Пахомовича Шерешкова, поручив ему изгнать «чуждые элементы». Выполнив задание, он вернулся на партийную работу⁴⁹, а в 1935 году УНКВД докладывало, что аппарат Кареллеса вновь засорен «чуждыми элементами» [14: 244–246]. За время действия приказа 00447 в Карелии было арестовано 127 ответственных работников треста «Кареллес»⁵⁰. Погибли все руководители треста. Умер под пытками Саксман, были расстреляны Гурьев, Лесков, Архипов, Шерешков, Валлин, Иванов. Изгнанных замещали выпускниками советских техникумов и вузов. Выпускников было еще немного, поэтому после репрессий хлынула новая волна выдвигенчества.

В октябре 1937 года трест «Кареллес» прекратил работу, на его базе были созданы тресты «Южкареллес» и «Севкареллес». Разукрупнение производства в условиях кадровых чисток не привело к существенному росту производства

в трестах Наркомлеса. В 1937 году они заготовили 5,3 млн куб. м, в 1938 году – 4,9 млн куб. м, в 1939 году – 5,9 млн куб. м леса. За это же время объемы заготовок Беломорско-Балтийского комбината выросли с 3,7 млн куб. м до 6,6 млн куб. м⁵¹. Накануне войны в лесной отрасли Карелии усилилась роль ГУЛАГа.

ВЫВОДЫ

В период нэпа в работе Кареллеса проявилась тенденция к комплексному лесопользованию: вдвое выросли лесозаготовки и производство пиломатериалов, началось переоборудование лесопильных заводов, открылось несколько небольших предприятий глубокой переработки древесины. Однако производство столкнулось с серьезными трудностями. Росла зависимость треста от государственных дотаций. Не хватало специалистов, затруднялся набор рабочих на устраивающих обе стороны условиях.

После передачи Кареллеса в федеральное управление закрепился сырьевой профиль треста. За 1928–1936 годы объем лесозаготовок вырос вдвое. Валютные поступления за экспорт карельского леса содействовали успеху индустриализации СССР. Экстенсивное хозяйствование не наладило в должной мере защиту леса, рациональное, экологически обоснованное лесопользование. Трест стал обеспечиваться рабочей силой за счет платной трудовой повинности местных крестьян и активизации переселенческой работы. Наряду с вербовкой необученных сезонников в Карелию привлекли на договорной основе квалифицированных рабочих из США и Канады. Создание системы общественного питания и подсобных хозяйств, рост барачного строительства снизили протестный импульс, вызванный тяжелыми условиями труда и быта. Недовольство вылилось в огромную текучесть рабочей силы.

В середине 1930-х годов сохранялась высокая доля физического труда, сезонность работ, слабая инфраструктура. В то же время проявилось позитивное влияние применения лучковых пил, частичной механизации вывозки древесины, постепенного формирования постоянных кадров. Трест внедрял передовой опыт иммигрантов, содействовал профессиональному обучению кадров. Стали смягчаться трудности повседневной жизни. Массовые репрессии ослабили эти благоприятные сдвиги и дезорганизовали трудовые коллективы. Разукрупнение производства не привело в одночасье к его стабилизации, важной для предвоенного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 286. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2, 4.

- ² НАРК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
- ³ НАРК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2000. Л. 1–14.
- ⁴ НАРК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1496. Л. 3.
- ⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 10195. Л. 1–7.
- ⁶ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 121. Л. 119.
- ⁷ НАРК. Ф. 286. Оп. 12. Д. 46. Л. 52, 56, 93.
- ⁸ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 52. Л. 7.
- ⁹ Гурьев В. Т. О деятельности Кареллеса по отчетным данным за 3 года // Экономика и статистика Карелии. 1927. № 1–3. С. 59. НАРК. Ф. 286. Оп. 8. Д. 7. Л. 43.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 121. Л. 113, 114.
- ¹¹ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 109. Л. 17.
- ¹² Докладная записка Председателя Правления К. Х. Данишевского и директора-распорядителя С. И. Либермана о деятельности Гостреста «Северолес» за три года его существования. На правах рукописи. М., 1925. С. 26, 27.
- ¹³ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 52. Л. 17.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 123. Л. 8.
- ¹⁵ НАРК. Ф. 286. Оп. 8. Д. 9. Л. 1. Д. 11. Л. 12.
- ¹⁶ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 224а. Л. 65.
- ¹⁷ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 24. Л. 68, 69.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 182. Л. 34.
- ¹⁹ НАРК. Ф. 286. Оп. 8. Д. 250. Л. 81; Оп. 1. Д. 208. Л. 61.
- ²⁰ НАРК. Ф. 6153. Оп. 2. Д. 665. Л. 32, 33.
- ²¹ VIII Всекарельский съезд Советов. Протокол. Петрозаводск, 1929. С. 36.
- ²² НАРК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1. Л. 76–77.
- ²³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 32. Д. 416. Л. 104.
- ²⁴ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 208. Л. 37.
- ²⁵ НАРК. Ф. 6153. Оп. 2. Д. 901. Л. 10, 15.
- ²⁶ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 182. Л. 2.
- ²⁷ НАРК. Ф. 286. Оп. 12. Д. 46. Л. 86.
- ²⁸ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 182. Л. 32.
- ²⁹ Научный архив КарНЦ. Ф. 1. Оп. 33. Д. 100. Л. 4, 21, 24, 46, 57.
- ³⁰ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 441. Л. 162, 178.
- ³¹ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 288. Л. 60.
- ³² НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 52. Л. 114.
- ³³ НАРК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 371. Л. 55–57.
- ³⁴ НАРК. Ф. 286. Оп. 8. Д. 78. Л. 2.
- ³⁵ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 208. Л. 70.
- ³⁶ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 24. Л. 63.
- ³⁷ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 288. Л. 16; Д. 327. Л. 29, 30; Д. 288. Л. 1–5.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 416. Л. 104.
- ³⁹ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 327. Л. 32, 33, 46.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 377. Л. 138.
- ⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 6.
- ⁴² Тонкель В. Канадские лесорубы в советской Карелии. Л., 1934. С. 8.
- ⁴³ Андриевский А. Рациональное использование транспорта в лесу // Карело-Мурманский край. 1933. № 9–10. С. 20–28.
- ⁴⁴ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1408. Л. 1–8.
- ⁴⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 3819. Л. 1–2.
- ⁴⁶ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 259. Л. 51.
- ⁴⁷ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 33. Д. 128. Л. 6, 7.
- ⁴⁸ Коммунист Прионежья. 1935. 4 июля.
- ⁴⁹ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 12316. Л. 8, 10.
- ⁵⁰ НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 94. Л. 82.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 953. Л. 8; НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 422. Л. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Век профессионалов: к 100-летию Петрозаводского лесотехнического техникума / Авт.-сост. О. Лутфуллин и др. Петрозаводск: Scandinavia, 2024. 83 с.
2. Воейков Е. В. Жилищная проблема на лесозаготовках национальных республик Поволжья в годы предвоенной индустриализации // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2 (70). С. 69–81.
3. Воейков Е. В. Продовольственный аспект повседневности рабочих лесозаготовок Поволжья в годы предвоенной модернизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69, № 1. С. 135–151. DOI: 10.21638/spbu02.2024.110

4. Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдorado: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авторизиров. перевод с англ. А. С. Роговой. СПб.: Нестор-История, 2019. 351 с.
5. Дианова Е. В. Быт лесозаготовителей Европейского Севера (1920-е – начало 1930-х гг.) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). СПб., 2019. С. 284–290.
6. Зыкин И. В. Региональные лесопромышленные комплексы Советского Союза в годы первых пятилеток: модели и роли // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 4. С. 317–330. DOI: 10.24412/2409-630X.067.020.202404.317-330
7. Зыкин И. В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. М., 2022. 432 с.
8. Каюмова М. Р. Карельский экспорт в первой половине 1930-х годов (по документам Национального архива Республики Карелия) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2024. № 12. С. 74–86. DOI: 10.34830/SOUNB.2024.80.63.001
9. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 277 с.
10. Кулагин О. И. Социальный облик и трудовая мотивация рабочих лесной промышленности Карелии (1917–1928) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 7 (120), Т. 1. С. 13–18.
11. Кулагин О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX–XX вв. // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 145–152.
12. Макуров В. Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии: 1933–1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 135–159.
13. Макуров В. Г. Из истории развития лесной промышленности Карелии в довоенный период // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 79–94.
14. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 1997. 366 с.
15. Первозванский И. В. Лесная промышленность Карелии (1931–1935 гг.) // Вопросы лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии. Петрозаводск, 1937. С. 14–47.
16. Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии // Вопросы рационального использования лесов Карелии. Петрозаводск, 1959. С. 5–75.
17. Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926 – июнь 1941 г.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск: Карелия, 1984. 196 с.
18. Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. 440 с.
19. Соломенский лесозавод, 150 лет / Авт.-сост.: Ю. В. Шлейкин. Петрозаводск: Острова, 2024. 199 с.
20. Такала И. Р. «Лицом к лесу!» или индустриализация по-карельски // Советские регионы: политика, экономика, повседневность. 1930–1950-е годы. М., 2024. С. 251–265.
21. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 239 с.
22. Autio S. Suunnitelmattomus Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. 398 s.

Поступила в редакцию 16.03.2026; принята к публикации 30.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Svetlana N. Filimonchik, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 syrsa@yandex.ru

THE HISTORY OF KARELLES TRUST

Abstract. The article aims to analyze the development and summarize the experience of the Karelles Trust, the leading association in the forestry industry of Karelia between 1922 and 1937. Under the New Economic Policy (NEP), the trust rapidly expanded timber harvesting and lumber production and began modernizing its sawmills, which enabled it to rank second in the USSR in timber exports. However, exports were unprofitable, which increased dependence on state subsidies. The transfer of the trust under Soviet Union jurisdiction in 1930 ensured the fulfilment of a task critical to national interests, which was to provide reliable supplies of sawn timber for export, but cemented the raw-material orientation of production. The trust secured its workforce through provision of paid labor service by collective farmers, the migration of seasonal workers from outside Karelia, and the recruitment of skilled workers from the U.S. and Canada. In the mid-1930s, there remained a high proportion of manual labor, seasonal work, weak transportation

infrastructure, and limited social security. Dissatisfaction with those conditions resulted in massive turnover of the workforce. The establishment of a public food service system and the expansion of barracks construction reduced the momentum of protest caused by harsh working and living conditions. At the same time, there were positive effects from the use of bow saws, partial mechanization of timber hauling, and the gradual formation of a permanent workforce. However, mass repression undermined these favorable developments and disrupted production. The period before the war saw the intensified role of the Gulag in the logging industry of Karelia.

Key words: Karelles Trust, logging, sawmilling, timber rafting, timber export, New Economic Policy, NEP, forced industrialization

Acknowledgements. The article was written as part of the state research project No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Filimonchik, S. N. The history of Karelles Trust. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):85–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1323

REFERENCES

1. The age of professionals: celebrating the 100th anniversary of Petrozavodsk Forestry Technical College. (O. Lutfullin et al., Eds.). Petrozavodsk, 2024. 83 p. (In Russ.)
2. Voeykov, E. V. The housing problem in the logging of the national republics of the Volga region during the years of pre-war industrialization. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):69–81. (In Russ.)
3. Voeykov, E. V. The food aspect of the daily life of logging workers in the Volga Region during the years of pre-war modernization. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2024;69(1):135–151. DOI: 10.21638/spbu02.2024.110 (In Russ.)
4. Golubev, A. V., Takala, I. R. In search of the socialist Eldorado: North American Finns in Soviet Karelia during the 1930s. (A. S. Rogova, Trans.). St. Petersburg, 2019. 351 p. (In Russ.)
5. Dianova, E. V. The daily life of loggers in the European North (1920s – early 1930s). *Natural and geographical factors in the daily life of the Russian population: history and the present day (regional aspect)*. St. Petersburg, 2019. P. 284–290. (In Russ.)
6. Zykin, I. V. Regional timber industry complexes of the Soviet Union during the first five-year plans: models and roles. *Russian Journal of Economic History*. 2024;20(4):317–330. DOI: 10.24412/2409-630X.067.020.202404.317-330 (In Russ.)
7. Zykin, I. V. The sociocultural profile of workers in the timber industry of the Soviet Union from late 1929 to the first half of 1941. Moscow, 2022. 432 p. (In Russ.)
8. Kayumova, M. R. Karelian exports in the first half of the 1930s (based on documents from the National Archives of the Republic of Karelia). *The 20th Century and Russia: Society, Reforms, Revolutions*. 2024;12:74–86. DOI: 10.34830/SOUNB.2024.80.63.001 (In Russ.)
9. Kilin, Yu. M. Karelia in the politics of the Soviet state, 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 277 p. (In Russ.)
10. Kulagin, O. I. The social profile and work motivation of workers in the forestry industry of Karelia (1917–1928). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. Series: Social Sciences and Humanities. 2011;7(120–1):13–18. (In Russ.)
11. Kulagin, O. I. The “track effect” of dependency in the forestry industry of Karelia as a factor in the socio-economic development of the region in the late XIX and the XX centuries. *Regional Research*. 2015;1(47):145–152. (In Russ.)
12. Makurov, V. G. The White Sea-Baltic complex in Karelia: 1933–1941. *New developments in the study of the history of Karelia*. Petrozavodsk, 1994. P. 135–159. (In Russ.)
13. Makurov, V. G. From the history of the development of the forestry industry in Karelia in the pre-war period. *Issues of economic, social and cultural development of Karelia*. Petrozavodsk, 1976. P. 79–94. (In Russ.)
14. Unknown Karelia: Documents from special agencies on life in the republic, 1921–1940. Petrozavodsk, 1997. 366 p. (In Russ.)
15. Pervozvansky, I. V. The forest industry of Karelia (1931–1935). *Issues of forest management and the forest industry of Karelia*. Petrozavodsk, 1937. P. 14–47. (In Russ.)
16. Pervozvansky, I. V. Essays on the development of forestry and the forest industry in Karelia. *Issues of the rational use of forests in Karelia*. Petrozavodsk, 1959. P. 5–75. (In Russ.)
17. The working class of Karelia during the period of socialist construction in the USSR. 1926 – June 1941: Collection of documents and materials. Petrozavodsk, 1984. 196 p. (In Russ.)
18. The Soviet forest economy. Moscow – North. 1917–1941: Collection of documents and materials. Petrozavodsk, 2005. 440 p. (In Russ.)
19. Solomensky Timber Mill, 150 years. (Yu. V. Shleikin, Comp.). Petrozavodsk, 2024. 199 p. (In Russ.)
20. Takala, I. R. “Facing the forest” or industrialization of the Karelian type. *Soviet regions: politics, economy, everyday life. 1930s–1950s*. Moscow, 2024. P. 251–265. (In Russ.)
21. Shegelman, I. R. Forest transformations (XV–XXI centuries). Petrozavodsk, 2008. 239 p. (In Russ.)
22. Autio, S. Suunnitelmattomat Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki, 2002. 398 s.

Received: 16 March 2026; accepted: 30 April 2026; published: 29 May 2026